

Два марша. 1. Кто у кого?
Два марша. 2. Песенный кругооборот
Два марша. 3. Вопреки ненависти и насмешкам
Два марша. 4. Камрады и товарищи

Авиамарш. 1. Легенды и факты
Авиамарш. 2. Год издания 1923-й (начало)
Авиамарш. 2. Год издания 1923-й (окончание)

Вокруг «Авиамарша». 1. «Aus dem Vergessen» — «Из забвения»
Вокруг «Авиамарша». 2. «Фокс-трот на известный мотив»
Вокруг «Авиамарша». 3. «Hispano-Suiza цвета бирюзы»
Вокруг «Авиамарша». 4. Список Оруэлла

Итак, те факты, которыми мы располагаем, указывают на то, что советский «Авиамарш» можно датировать 1924 годом (или, в крайнем случае, самым-самым началом 1925 года, потому что уже в июне 1925 года его хорошо знали и пели — именно с тем текстом, который нам теперь известен).

Примечание ноября 2009 года:

В настоящее время со всей определённоностью установлено, что первое издание «Авиамарша» увидело свет весной 1923 года — не ранее 8 марта и не позднее 14 или 15 мая 1923 года. Это издание сохранилось. Есть также непрямые, но очень веские основания полагать, что оно может быть датировано даже более точно: вторая неделя мая 1923 года. Подробности изложены [здесь](#).

Не позднее 1926 года «Авиамарш» появился в Германии. Почему — «не позднее 1926 года»? Потому что именно в 1926 году, как считают работники немецкого радиоархива (в частности, Йорг Вирхови), мелодия советского марша впервые прозвучала в Германии (подробнее об этом смотрите в *статье* Булгакова).

И мы с вами теперь уже прекрасно понимаем, как всё это дело тогда происходило. Текст набравшего популярность в СССР «Марша советских авиаторов» был очень тщательно переведён на немецкий язык (скорее всего, это произошло на стыке 1925 и 1926 годов), а затем под названием «Песня красного воздушного флота» («Lied der roten Luftflotte») был экспортирован в Германию. В немецком переводе, как и в советском оригинале, речь идёт о советских же «красных» пилотах, бороздящих небо над СССР с целью защиты его границ. Именно в таком виде, без какой-либо попытки адаптировать текст к иноземным реалиям, эта насквозь советская песня и была, очевидно, передана немецким коммунистам.

Добросовестность переводчиков из Коминтерна мало способствовала популярности «Песни красного воздушного флота» среди немецких коммунистов. Разумеется, они были обеими руками за изложенные в ней соображения и даже старались, наверное, иногда её и петь, да только вот использовать московский текст в качестве повседневного пропагандистского оружия было невозможно, а внести в него сколько-нибудь существенные изменения — как? без одобрения приславших песню инстанций?! — им не позволяла коминтерновская дисциплина. Зато немецкие нацисты, у которых проблем согласования с Москвой не было, моментально ухватились за свежую, бодрую и незатасканную мелодию, написав к ней свои слова. При этом они не особенно утруждали себя поэтическими изысками, заполнив куплеты актуальными революционными лозунгами и внося в советский текст припева лишь самые необходимые изменения, что, однако, коренным образом изменило его, припева, смысл (подробности можно найти в предыдущей части нашей статьи). Вот как стали у нацистов выглядеть последние четыре строки припева:

Und höher und höher und höher
wir steigen trotz Haß und Hohn.
Und jeder S.A.-Mann ruft mutig: Heil Hitler!
Wir stürzen den Judischen Thron!

Чтобы правильно понимать всё, что с песней произошло дальше, мы обратимся к тому факту, который хоть и упоминался, но до сих никак не был нами использован. Нацистский марш, который мы тут всюду именовали «Herbei zum Kampf...» (так начинается его первая строка), на самом-то деле имеет своё настоящее название, а именно: «Das Berliner Jungarbeiterlied» («Песня молодых рабочих Берлина»). Именно такое его название упомянутый выше Йорг Вирхови привёл профессору Булгакову в качестве оригинального названия, именно такое его название значится и на пластинке «Немецкая борьба в зеркале песни», где марш прозвучал в составе поурри из пяти известных боевых песен СА в аранжировке Франца Степани.

1. «После нескольких поправок в тексте их пели и в СА...»

«Песня молодых рабочих Берлина»... Берлин... В конце концов, нет ничего удивительного в том, что немецкая коминтерновская версия «Авиамарша» появилась в 1926 году именно в столице — «красном Берлине», как его тогда иной раз называли, в европейском четырёхмиллионном городе, где позиции коммунистов были очень сильными.

В отличие от позиций нацистов... Гитлер и штаб-квартира нацистской партии, все её финансовые и административные ресурсы — находились тогда вовсе не в Берлине. Они находились в Мюнхене. А Берлин — Берлин был «красным», и к столичной организации нацистов гораздо более подходил тогда термин «дезорганизация».

Вот в таких условиях поздней осенью 1926 года руководителем берлинской окружной организации национал-социалистов был назначен Пауль Йозеф Геббельс. Когда он прибыл в Берлин, нацистов во всём

громадном городе насчитывалось всего-то около одной тысячи человек. Свою деятельность в Берлине Геббельс начал с того, что сократил эту тысячу до шести сотен, без колебаний выгнав из партии всех остальных.

Примерно такой увидел немецкую столицу Геббельс. Массовая коммунистическая манифестация

В первый день нового 1927 года Геббельс заявил своим соратникам:

...Мы должны сломать стену безвестности. Пусть берлинцы оскорбляют нас, пусть дерутся с нами, пусть порочат и избивают нас, но они должны о нас говорить. Сейчас нас шестьсот человек. Через шесть лет нас должно быть шестьсот тысяч!..

Надеюсь, теперь вы понимаете, что именно нацисты, а не коммунисты, имели в 1927 году полное право распевать в Берлине: «Мы поднимаемся вопреки ненависти и насмешкам» — «Wir steigen trotz Haß und Hohn»...

Недавно на одном из массовых общеполитических форумов я встретил любопытную фразу: «Сам старик Геббельс позавидовал бы тому-то и тому-то». Да уж... «старик Геббельс»... В конце 1926 года старику Геббельсу исполнилось 29 лет, и его энергии хватило бы на десятерых. «*Пусть берлинцы оскорбляют нас, пусть дерутся с нами, пусть порочат и избивают нас, но они должны о нас говорить*» — берлинские нацисты неукоснительно выполняли эту установку своего молодого шефа, и численность партии начала в Берлине постепенно расти. Через три дня после крупного февральского скандала, учинённого нацистами в том районе, который коммунисты считали своей вотчиной, на столе у Геббельса лежало две тысячи заявлений о приёме в партию; ещё полтысячи захотели встать в ряды штурмовиков. После скандала на митинге 4 мая 1927 года терпение властей иссякло, и деятельность берлинской организации нацистов была запрещена.

О, это был знаменитый запрет, Запрет с большой буквы! Пауль Йозеф Геббельс, со всем своим недюжинным талантом пропагандиста, постарался использовать ситуацию на все сто процентов.

Довольно скоро словечко «Verbot» («запрет») стало среди всех членов партии неким символом, условным знаком, который хорошо понимали не только в Пруссии. Тема запрета всех структур берлинской организации нацистов стала для их пропаганды коронной темой, а лозунг «Trotz Verbot — nicht tot!» («Вопреки запрету — живы!») превратился в консолидирующий для нацистов по всей стране.

Запрет продолжался почти 11 месяцев, до конца марта 1928 года. И я смею утверждать, что именно в этом календарном промежутке, с мая 1927 года и по март 1928 года, слово «Hohn» («насмешки»), которое первоначально присутствовало во второй строке припева интересующей нас здесь «Песни молодых рабочих Берлина», было заменено на слово «Verbot» («запрет»).

Произошла эта замена стихийно или же нет — это сейчас сказать трудно, но произошло это с полного одобрения Геббельса, и это был тот самый случай, когда политическая целесообразность заставляла позабыть о всяких рифмах и стихотворных размерах.

А почему же я могу так уверенно всё это утверждать? Да просто потому, что держу перед собой брошюру Геббельса «Сражение за Берлин: начало» («Kampf um Berlin: der Anfang»), в которой он как раз и описывает период борьбы нацистов за Берлин. Так вот, в самом конце большой главы (из двух частей) с названием «Verboten!» («Запретить!»), посвящённой именно тому запрету, о котором мы говорим, Геббельс цитирует комментарий властей и затем пишет буквально следующее:

«Берлин! Вопреки запрету — живы!»

... Es begann nun ein neuer Abschnitt unserer Arbeit. Die Organisation war zerschlagen, das legale Gefüge der Partei aufgelöst... Dazu kamen Drangsale und Schikanen aller Art, mit denen man uns das Leben sauer machte...

«...Diese auf Gewalttätigkeiten gegen Andersdenkende gerichtete und in der Organisierung von Ungesetzlichkeiten sich erschöpfende Bewegung werden wir in Berlin und in ganz Preußen im Keime ersticken.»

So schrieb in der *Berliner Morgenpost* vom Freitag, den 6. Mai 1927, der preußische Ministerpräsident Otto Braun. Er hat sich schwer getäuscht. Die Bewegung wurde weder in Berlin noch in Preußen im Keime erstickt. Höher und höher stieg ihre Idee, trotz Haß und Verbot!

Взгляните на перевод этого фрагмента:

... Так начался новый период нашей работы. Организация была разбита, легальное устройство партии распущено... К этому добавлялись беды и издевательства всякого рода, которыми нам отравляли жизнь...

«...Это движение, направленное на насилие против инакомыслящих и исчерпывающееся организацией беззаконий, мы в Берлине и во всей Пруссии задушим в зародыше.»

Так писал в пятничном номере «Берлинер Моргенпост» от 6 мая 1927 года прусский премьер-министр Отто Браун. Он грубо просчитался. Наше движение не было задушено в зародыше — ни в Берлине, ни в Пруссии. Всё выше и выше поднималась его идея, вопреки ненависти и запрету!

Что же получается? Недвусмысленно связав (а мы видим всего лишь легкую перефразировку!) тот «запрет», который упоминается в тексте нацистского марша, с *запретом 1927—1928 годов*, лично сам Геббельс, во-первых, подтвердил наше предположение о том, что *колыбелью этого марша являлся именно Берлин*, и во-вторых, *датировал известный нам текст нацистского марша периодом с мая 1927 года по март 1928 года*. Именно в этот период времени текст «Песни молодых рабочих Берлина» приобрёл свой окончательный вид («stieg» в вышеприведённой цитате из брошюры Геббельса — это всего лишь форма прошедшего времени от глагола «steigen»):

Und höher und höher und höher
wir steigen trotz Haß und Verbot.

Всё выше, и выше, и выше
Мы поднимаемся вопреки ненависти и запрету.

Мы поднимаемся вопреки ненависти и насмешкам... Нет, никак не оставляет впечатление, что тем человеком, который предложил немного изменить эту строку из первоначального нацистского текста песни, был, собственно говоря, *сам Геббельс*. Именно для него политическая целесообразность была гораздо важнее всяких рифм и размеров и именно он обладал необходимым авторитетом, чтобы убедить в этом певцов и поэтов берлинского «движения»: Мы поднимаемся вопреки ненависти и запрету!..

Мне хочется выразить слова признательности нашему читателю Александру Гершовичу из Мюнхена, который обратил моё внимание на саму возможность использовать слово «Verbot» в целях датировки марша «Herbei zum Kampf...». Правда, в своих рассуждениях он сосредоточился на том запрете *всей* нацистской партии, который состоялся после подавления путча 1923 года, который повлёк за собой почти полную её деморализацию и в итоге привёл к её новой регистрации в феврале 1925 года. Теперь-то мы с вами понимаем, что усилиями Геббельса только лишь запрет с мая 1927 года и по март 1928 года мог приобрести и действительно приобрёл в нацистской пропаганде статус глобального пропагандистского символа — символа *не столько поражения, сколько победы*.

Тем не менее, Александр Гершович высказал несколько очень дельных замечаний, с которыми я совершенно согласен. Например, он правильно указывает на то, что *«если какое-либо политическое событие и реакция на него находят отражение в песенном тексте, то трудно себе представить, чтобы к моменту появления песни упомянутое событие потеряло свою актуальность и значимость. Авторы должны быть уверены, что слушатель сразу поймёт, о чём речь — и это вызовет у него ожидаемый эмоциональный отклик»*. Совершенно справедливо. Именно поэтому слово «Verbot» в тексте нацистского марша едва ли могло появиться *после* 31 марта 1928 года.

И ещё на одно замечание Александра Гершовича я хотел бы обратить ваше внимание. Он справедливо указывает на то, что *«отсутствие зафиксированного варианта с «благозвучной» рифмой говорит в пользу очень короткой продолжительности его жизни»*.

Именно так. То, что вариант текста с парой «Hohn — Thron» не сохранился, *говорит об очень коротком времени его существования*. Фактически, имея в виду упомянутое выше замечание Йорга Вирхови и учитывая то состояние берлинской партийной организации, с которым встретился Геббельс (те самые 600 членов партии на весь Берлин, штаб-квартира в полуподвале на Потсдамской улице, отсутствие сколько-нибудь внятной стратегии и тактики, отсутствие какого-либо учёта и множество долгов), — учитывая всё это, можно без особого риска предположить, что тот самый *первоначальный вариант* текста мог просуществовать самое большее с декабря 1926 года и по апрель 1927 года, то есть не более полугода.

Тем не менее, вариант с рифмой «Hohn — Thron», хотя бы и это весьма непродолжительное время, *должен был быть*, потому что именно он самым естественным образом согласуется с остальным известным нам текстом песни «Herbei zum Kampf...». Слово «Verbot», появившееся в песенном тексте *вместо* слова «Hohn», — это *целиком дитя геббельсовской наступательной активности и пропаганды*.

Ungesetzlichen sich erschöpfende Bewegung werden wir in Berlin und in ganz Preußen im Keime ersticken."

So schrieb in der *Berliner Morgenpost* vom Freitag, den 6. Mai 1927, der preußische Ministerpräsident Otto Braun. Er hat sich schwer getäuscht. Die Bewegung wurde weder in Berlin noch in Preußen im Keime erstickt. Höher und höher stieg ihre Idee, trotz Haß und Verbot! Jede Verfolgung machte die Organisation nur stärker und härter. Zwar gingen viele von uns. Aber es handelte sich dabei nur um die,

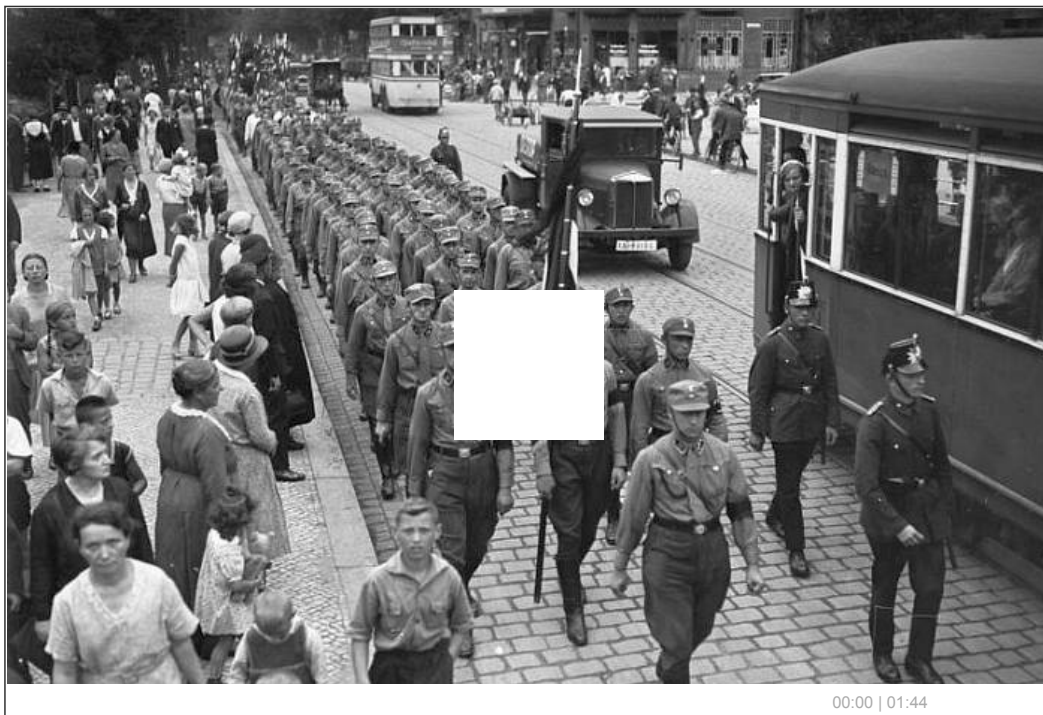
«Всё выше и выше поднималась идея [нашего движения] — вопреки ненависти и запрету!»
Фрагмент брошюры Геббельса «Kampf um Berlin: der Anfang»

Дошедшие до нас записи нацистского марша «Das Berliner Jungarbeiterlied» были сделаны примерно в мае 1933 года. Записаны они были большим духовым оркестром под управлением Карла Войчаха (Carl Woitschach) в составе «попурри из известных песен СА» в обработке Франца Штепани (Franz Stepani) — сразу в двух вариантах: в инструментальном варианте и с участием хора.

Тогда же фирмой «Telefunken» была выпущена (за номером А 1393, лицензионные номера ВЕМ 19101 и 19102) и грампластинка с названием «Deutscher Kampf im Lied» («Немецкая борьба в зеркале песни»), на одной стороне которой как раз и звучат первый куплет и припев марша «Das Berliner Jungarbeiterlied». В составе попурри они следуют вторым номером сразу за первым куплетом другой нацистской песни, обозначенной там как «Kampflied der Nationalsozialisten» («Боевая песня национал-социалистов»), а затем, на этой же стороне пластинки, попурри продолжают выдержки ещё из трёх известных песен: «Wenn alle untreu werden» (только инструментальная версия), «Brüder in Zechen und Gruben» (её мелодия совпадает с мелодией нашей революционной песни «Смело, товарищи, в ногу!..») и «Das Wiener Jungarbeiterlied» (то есть «Песня молодых рабочих Вены»). На другой стороне этой пластинки звучит попурри из четырёх других нацистских песен, среди которых я бы обратил ваше внимание на ещё один безусловно берлинский марш — «Durch Groß-Berlin marschieren wir» («Мы маршируем по Большому Берлину»).

Длительность звучания каждой из сторон грампластинки составляет чуть более трёх минут. Давайте послушаем самое начало попурри. После вступительных фанфар и «Kampflied der Nationalsozialisten» сразу же идёт знакомая нам мелодия «Авиамарша».

На фотографии же вы видите прохождение одного из отрядов штурмовиков по улицам Берлина (запрет к тому времени уже, очевидно, сняли). Берлинских нацистов с конца 1926 года бессменно возглавлял Геббельс. Итак, слушаем *начало* попурри:

Не правда ли — дрожь пробирает от этого их выкрика «Хайль Гитлер!». Такой энтузиазм не под силу изобразить никаким профессиональным певцам. Да они и не были никакими такими певцами. Вы слышали голоса настоящих, аутентичных штурмовиков, из берлинского отряда («штурма») номер 33, имевшего собственное имя «Ганс Майковски» («Hans Maikowski»). И выкрик «Хайль Гитлер!» — *это ведь их, штурмовиков*, вклад в текст нацистского марша:

Und höher und höher und höher
wir steigen trotz Haß und Verbot.
Und jeder S.A.-Mann ruft mutig: Heil Hitler!
Wir stürzen den Judischen Thron!

— вклад, который немецкие коммунисты потом переняли в виде безликого «das Lied» («песня»):

Drum höher und höher und höher
wir steigen trotz Haß und Hohn.
Ein jeder Propeller singt surrend [das Lied]:
Wir schützen die Sowjetunion!

или «Hurra!» («ура!»), звучавшего у них в Испании, и который глухим эхом отзывался потом выкриком «Защита!» в одном из вариантов исполнения «Авиамарша» у нас в 30-е годы. И *это ведь от нацистов* в текст коминтерновского немецкого перевода «Авиамарша» (под названием «Песня красного воздушного флота») просочилась строка *wir steigen trotz Haß und Hohn*, которая, после косметической геббельсовской замены в нацистском тексте слова «Hohn» на слово «Verbot», осталась вроде как беспризорной и за счёт которой немецкие коммунисты попытались, вероятно, придать хоть какой-то местный колорит первоначальному, насквозь советскому, тексту перевода.

И чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений насчёт того, как именно всё дело происходило, предоставим слово тому самому «музыковеду, исследователю и современнику», мнение которого для профессора Булгакова явилось *единственным* доказательством приоритета «Авиамарша» (на основании того, что этот музыковед честно признал: да, мелодию своего марша нацисты позаимствовали у немецких коммунистов). В той же самой статье 1939 года (Hans Bajet, «Lieder machen Geschichte». — In: Die Musik, № 9, Juni 1939, S. 586-597), ссылка на которую содержится в присланных Булгакову из Германии материалах, музыковед и современник Ганс Байер пишет *следующее*:

... Стычка в пивной или драка на улице между СА и марксистами, на стороне которых часто был численный перевес, нередко кончалась тем, что на следующий день к штурмфюреру являлось множество избитых марксистов с просьбой о вступлении в его отряд. Сначала их притягивало уважение к людям, которые были храбрее и лучше умели драться. Однако вскоре идеи национал-социализма стали вдохновлять их так же, как остальных товарищей из штурма. Хорст Вессель умел мастерски перетягивать лучших парней из марксистских формирований в свой отряд, назло их прежним товарищам по партии. Ясно, что эти люди приносили с собой песни, возникшие в лагере красных. Но после нескольких поправок в тексте их пели и в СА...

Хочу лишь добавить, что Ганс Байер (Hans Bajet) — он, конечно же, и исследователь, и музыковед, но он *нацистский* музыковед (да и не только музыковед: он и сам сочинял для штурмовиков марши типа «Horst-Wessel-Gedenkmarsch» — «Марш памяти Хорста Весселя»). Поэтому, вероятно, Байер забывает упомянуть, что точно так же и среди коммунистов были свои храбрецы, умевшие неплохо драться, и что «нередко» именно штурмовикам доставалось от них по первое число. Временно переходя к коммунистам, точь-в-точь по изложенной «музыковедом и исследователем» схеме, нестойкие нацисты приносили с собой последние вокальные достижения своих недавних камрадов. И вот окаменелые следы тех переходов и страстей — они теперь перед нами, в молчаливых песенных текстах...

2. «Хорст Вессель прекрасно понимал магическое воздействие песен...»

Однако же тут ненароком возникло имя человека, который если и не приложил — *сам, лично* — руку к тексту нацистского марша «Das Berliner Jungarbeiterlied» (а я бы нисколько не удивился, окажись так на самом деле — уж подозрительно близко ложатся тут снаряды), то уж распевал-то он эту песню — это наверняка. Это 100 процентов... Но расскажу обо всём по порядку.

Приехав тёмным ноябрьским вечером 1926 года в Берлин — тихо и незаметно, в купе третьего класса, с маленьким чемоданчиком в руках — Пауль Йозеф Геббельс немедленно развернул кипучую деятельность. Отчётливо понимая значение пропаганды, он почти сразу же привлёк к работе нескольких

молодых и талантливых соратников. О художнике Гансе Швайцере, который свои работы подписывал псевдонимом «Mjölnir», можно прочитать в нашей *статье* «Молот безумного бога». Плакат Ганса Швайцера под названием «*Trotz Verbot — nicht tot!*», или «*Вопреки запрету — живы!*» (речь идёт о берлинских нацистах), показан чуть выше.

И вот 7 декабря 1926 года берлинская организация нацистов пополнилась ещё одним способным молодым человеком: партийный билет за номером 48434 получил 19-летний Хорст Вессель. Одновременно юноша вступил в ряды СА и, как ни странно выглядит это сочетание, продолжил своё обучение на юридическом факультете университета Фридриха-Вильгельма.

В то время, повторяю, нацистов в Берлине было наперечёт, и Геббельс прекрасно знал практически каждого из них. Энергичный, смыслённый и контактный Хорст Вессель тем более не мог пройти мимо его внимания. Отнюдь не уклоняясь от непрерывных стычек с коммунистами и с полицией, Хорст старался, между прочим, позиционировать себя не столько в качестве эдакого нацистского молодчика, «горы мышц», сколько в качестве «политического солдата» Движения, что не могло не понравиться такому человеку, как Геббельс. После 6 мая 1927 года, в период запрета, Хорсту Весселю было поручено руководить одной из подставных легальных структур нацистской партии, так называемым «Эдельвейс-клубом». Известно, что именно там Хорстом Весселем была написана песня «Edelweißlied». Вообще, в период запрета Вессель пробыл в Берлине чуть более полугода, до января, и мы помним, что, по всей вероятности, именно в период с мая по январь, то есть в первые полгода запрета, в первоначальном тексте нацистского марша и появилось слово «Verbot»...

Хорст Вессель (стоит в первом ряду, восьмой справа) со своими штурмовиками. Берлин, 1929 год

Геббельс, имея свои виды на способного молодого человека, выгодно отличавшегося от большинства безработных и малограмотных штурмовиков и имевшего к тому же явные склонности к организаторской и пропагандистской работе, в январе 1928 года, в самый разгар запрета, направил Хорста Весселя в длительную служебную командировку в столицу Австрии, в Вену, — для обмена опытом по организации молодёжного крыла нацистской партии: в Вене, в отличие от Берлина, нацистское молодёжное движение находилось на подъёме. В Австрии Вессель продолжал агитационно-пропагандистскую деятельность, регулярно обмениваясь с гауляйтером Геббельсом письмами. Вернувшись из Вены, Хорст Вессель привёз с собой несколько услышанных им в Австрии песен — с целью адаптировать их в интересах берлинских нацистов. В частности, согласно всё тому же Гансу Байеру, именно Вессель привёз в Берлин «Песню молодых рабочих Вены», которая затем широко распространилась в среде штурмовиков и, в

конце концов, оказалась на пластинке «Телефункена» 1933 года, в исполнении берлинского отряда СА, — в одном и том же попури с «Песней молодых рабочих Берлина».

Возвратившись в июле 1928 года в Берлин, Вессель, однако, был направлен Геббельсом на работу вовсе не в крайне малочисленную тогда молодёжную нацистскую организацию, а непосредственно в СА. Именно тогда, во второй половине 1928 года и в 1929 году, Хорст Вессель и прослыл самым настоящим «ловцом душ», что десять лет спустя отметил «музыковед и исследователь» Ганс Байер. Достаточно сказать, что Хорст Вессель стал вторым по частоте выступлений берлинским оратором нацистов (после, разумеется, своего шефа Геббельса) — в округе Большой Берлин (помните, на другой стороне той же самой пластинки «Телефункена» есть песня «Durch Groß-Berlin marschieren wir» — «Мы маршируем по Большому Берлину»?).

Активность обаятельного и удачливого штурмовика не оставалась без внимания его политических противников. Само собой разумеется, что центральное руководство компартии не могло официально призывать к личному террору, но, например, известен лозунг, который тогда выдвинул один из коммунистических лидеров, Гейнц Нейманн: «Бейте фашистов всюду, где вы их встретите!». Справа вы видите листовку, обращённую к членам «Союза красных фронтовиков», коммунистического аналога СА. На этой листовке рядом с более или менее реалистичным изображением Весселя читаем такую пояснительную надпись: «Сколько ещё терпеть? Красный рабочий, запомни это лицо! Хорст Вессель, штурмфюрер — убийца рабочих». А ниже приведён и домашний адрес Хорста Весселя (с ошибкой, кстати). В конце декабря 1929 года был убит Вернер, младший брат Хорста, а 14 января пришла уже и его очередь: открыв на стук входную дверь, Хорст получил пулю прямо в лицо...

Надо сказать, что общая численность берлинских штурмовиков непосредственно после отмены запрета, в апреле 1928 года, составляла примерно 800 человек. Когда в мае 1929 года Хорст Вессель был назначен руководителем (штурмфюрером) отряда («штурма») номер 5, в отряде этом насчитывалось 83 штурмовика. Менее чем через год, в феврале 1930 года, когда после нескольких недель, проведённых в коме, смертельно раненный Хорст Вессель скончался, в его штурме номер 5 состояли уже 250 человек. Кстати сказать, весселевский отряд номер 5 имел статус отдельного и не входил в какое-либо более крупное объединение берлинских штурмовиков.

Отряд штурмовиков во главе с Хорстом Весселем (он на первом плане). Фотография 1929 года

Не особенно щепетильный в вопросах приоритетов, Хорст Вессель нередко приспосабливал к чьим-нибудь «не своим» песенным мелодиям написанные им тексты (разумеется, речь идёт далеко не о лирических текстах). Наиболее известным примером является, конечно, песня «Die Fahne hoch!», усилиями Геббельса ставшая после смерти Весселя официальным гимном нацистской партии (подробнее об этой песне и о самом Весселе читайте в нашей *статье*, которая называется «Сомкнём ряды. Пусть будет выше знамя!..»). Но это не единственный пример. Опять сошлюсь на мнение Ганса Байера, «музыковеда, исследователя и современника». Всё в той же самой статье, где не отрицается факт того, что мелодия «Песни молодых рабочих Берлина» досталась штурмовикам в ходе песенного обмена со своими коллегами-соперниками из «Союза красных фронтовиков», — Ганс Байер пишет следующее:

... Хорст Вессель прекрасно понимал магическое воздействие песен. Редкое собрание его отряда проходило без разучивания какой-нибудь новой песни, и ни для кого в Берлине не было секретом, что его отряд знал наибольшее количество лучших в Движении песен борьбы. Очевидным для всех свидетельством успеха стало то, что его штурм номер 5 скоро стал превосходить в численности все остальные берлинские отряды...

Всё это хорошо, скажете вы, но какое всё это имеет отношение к теме нынешней статьи? Отношение-то имеет, и самое непосредственное... Вот часто пишут и говорят, что марш «Das Berliner Jungarbeiterlied» дошёл до нас лишь в виде грампластинок с записью упомянутого выше попури (в полном или в усечённом его виде) да плюс, к тому же, фонограммы документального фильма Лени Рифеншталь «Триумф воли», который снимался в сентябре 1934 года, а был закончен лишь в 1935 году. Об этом *писал* и Ринат Булгаков, да и сам я тоже так считал и так писал в первых двух частях этой статьи.

Это, конечно, всё правда... но это не вся правда! «Триумф воли» Лени Рифеншталь *вовсе не был единственным и вовсе не был первым* нацистским кинофильмом, в котором прозвучала хорошо нам знакомая мелодия советского «Авиамарша»! А первый же такой фильм был снят в 1933 году, немедленно после прихода нацистов к власти.

Тогда, в первые месяцы 1933 года, пропагандистское ведомство Геббельса запустило в производство серию из трёх художественных кинофильмов, которые были явным подражанием советскому историко-революционному кино. Этими фильмами были: «S.A.-Mann Brand» («Штурмовик Бранд», июнь 1933

года), «Hitlerjunge Quex» («Юный гитлеровец Квекс», сентябрь 1933 года) и «Horst Wessel» («Хорст Вессель»). Вот о последнем-то фильме из этой тройки мы с вами и поговорим.

3. «Молодые рабочие» шагают по Берлину

У этого фильма любопытная судьба. Его литературной основой послужила художественная биография Хорста Весселя, которая была написана писателем Гансом Эверсом в 1932 году, причём при подготовке материала Эверс работал в тесном контакте как с семьёй Весселя, так и со штурмовиками из его отряда номер 5. Снимал фильм режиссёр Франц Венцлер, а в заглавной роли выступил актёр Эмиль Локамп.

В сентябре 1933 года фильм был закончен, и 3 октября должна была состояться его премьера. Но... но уже готовый кинофильм совершенно неожиданно *был запрещён* к показу лично Геббельсом! Есть разные мнения относительно причин такой реакции Геббельса. Скорее всего, «безумный бог» насторожился, увидев недопустимо близкое, по его мнению, и слишком бытовое приближение к «святыне» нового Рейха, грозившее опасностью размытия создававшейся новой мифологии. По требованию Геббельса фильм был частично перемонтирован и переименован. Под новым названием — «Hans Westmar. Einer von vielen. Ein deutsches Schicksal aus dem Jahre 1929» («Ганс Вестмар. Один из многих. Немецкая судьба из 1929 года») — и состоялась 13 декабря 1933 года премьера этого фильма. Но новое имя главного героя никого не могло ввести в заблуждение: Hans Westmar имел по-немецки точно такие же инициалы, как и Horst Wessel, да и литературный источник Ганса Эверса был в титрах указан: «Хорст Вессель».

Урок «Хорста Весселя» был хорошо усвоен. В дальнейшем, уже после 1933 года, деятельность нацистской партии и повседневная жизнь рядовых нацистов полностью исчезнет из немецкого кинематографа, который сосредоточится на создании исключительно развлекательных фильмов, а из песен времён борьбы за власть выживут лишь «Die Fahne hoch!» и «Brüder in Zechen und Gruben» (на мелодию песни «Смело, товарищи, в ногу!..»), номер 4 на пластинке «Телефункена»). Автором нацистского текста первой из них является Хорст Вессель, автором второй песни некоторые исследователи считают также его. Обе эти песни в современной Германии запрещены.

Посмотрим фрагмент из кинофильма «Ганс Вестмар». Главный герой (напоминаю, что тут, в сущности, речь идёт именно о Хорсте Весселе) показан во время предвыборной кампании к муниципальным выборам в Берлине в ноябре 1929 года. Он идёт впереди своего отряда, марширующего по берлинским улицам. Картинка, конечно, не очень хорошего качества, но можно удивляться лишь тому, что через столько-то лет и событий сохранилась хотя бы такая... Итак, смотрим и вслушиваемся:

Фрагмент из кинофильма «Ганс Вестмар»

Ещё раз хочу подчеркнуть: весь фильм о Хорсте Весселе прошёл жёсткую цензуру со стороны лично Геббельса, который и сам был свидетелем и участником тех событий, который прекрасно знал и Хорста Весселя, и весь его отряд. Так вот, у Геббельса не вызвало никаких возражений то, что в этой сцене штурмовики маршируют под звуки «Авиамарша». Совершенно очевидно, что подобная сцена отнюдь не казалась ему чем-то надуманным. Несомненно, что *«Песня молодых рабочих Берлина» была в 1929 году в активном арсенале штурмовиков из отряда Хорста Весселя.*

И второе. Всего лишь три года отделяли создание этого фильма от событий, в нём показанных. Все ещё были живы. Более того, в массовке фильма снимались реальные полицейские и реальные штурмовики — участники тех событий. Собственно, в титрах фильма скрупулёзно перечислены те отряды СА и полиции, которые принимали участие в съёмках: «Die S.A. Berlin-Brandenburg: Standarte 4, Standarte 5 (Horst Wessel), Standarte 6 und die Landespolizei-Gruppe...». Те люди, которых вы только что видели марширующими под бодрую мелодию советского «Авиамарша», — это и есть отряд номер 5 штурмфюрера Хорста Весселя!

И ещё одну сцену из фильма «Ганс Вестмар» я хотел бы вам показать. Сейчас вы поймёте, почему. Коротенькая сцена относится к январю 1930 года. Коммунисты получили, наконец, редкую возможность свести с Вестмаром счёты (помните слова Байера: *«Хорст Вессель умел мастерски перетягивать лучших парней из марксистских формирований в свой отряд, назло их прежним товарищам по партии»?*). Связная коммунистов получает от квартирной хозяйки Вестмара сообщение о том, что тот на какое-то время остался в квартире совсем один: «Нужно предупредить товарищей». Далее мы видим, как друзья Вестмара узнают от девушки Агнес (её прототипом была Эрна Йеникен — подруга Хорста Весселя) о готовящемся на него покушении. Вслушайтесь в то, *что* эти друзья там напевают:

Фрагмент из кинофильма «Ганс Вестмар»

Ну как, узнали мелодию? Ведь это же та самая «Боевая песня национал-социалистов» («Kampflied der Nationalsozialisten»), которая первым номером, слитно с «Песней молодых рабочих Берлина», **звучит** на первой стороне той самой пластинки «Телефункена», в попури оркестра под управлением Карла Войчаха:

00:00 | 00:38

— с такими вот бесхитростными словами, составленными, как обычно, из революционных лозунгов:

Wir sind das Heer vom Hakenkreuz,
 Hebt hoch die roten Fahnen!
 Der deutschen Arbeit wollen wir
 Den Weg zur Freiheit bahnen!

«Мы, солдаты свастики, высоко поднимаем красные знамёна! Немецкой работой мы хотим проложить путь к свободе!»... Конечно, штурмовики из отряда номер 33 «Ганс Майковски» («Hans Maikowski») поют намного профессиональней... Кстати, а вы знаете, откуда взялось это название и кто такой был Ганс Майковски? Почти ровесник Хорста Весселя, он к 1933 году являлся руководителем этого самого «штурма» под номером 33, который действовал в центральной части Берлина. Штурмовики Ганса Майковски, очевидно, не только песни любили петь: среди своих политических противников они пользовались дурной славой. И в ночь с 30 на 31 января 1933 года, когда в центре Берлина состоялось грандиозное шествие нацистов в связи с назначением Гитлера рейхсканцлером, Ганс Майковски был убит в одной из уличных стычек. Вместе с ним был застрелен и полицейский Йозеф Зауриц. Обоим устроили государственные похороны. Во время похорон 5 февраля 1933 года Геббельс организовал грандиозную манифестацию с участием более полумиллиона человек. Вскоре многие улицы по всей Германии стали называть в честь Ганса Майковски. Тогда же его имя получили и певцы из берлинского «штурма» номер 33. Впрочем, место партийного и национального символа к тому времени уже прочно было занято Хорстом Весселем...

4. Подводим итоги

По-видимому, пора подводить итоги нашего «документального детектива» в четырёх частях. Что же нам удалось выяснить? Кто, что, у кого, когда и как «слямзил»?

- Советский «Авиамарш» в его нынешнем виде появился *не позднее самого-самого начала 1925 года*, поскольку в июне того же года его уже хорошо знали и непринуждённо пели. Достаточно большая совокупность косвенных доказательств указывает на то, что «Авиамарш» был написан *не ранее второй половины 1923 года или даже в 1924 году*.

Примечание ноября 2009 года:

В настоящее время со всей определённоностью установлено, что первое издание «Авиамарша» увидело свет весной 1923 года — не ранее 8 марта и не позднее 14 или 15 мая 1923 года. Это издание сохранилось. Есть также непрямые, но очень веские основания полагать, что оно может быть датировано даже более точно: вторая неделя мая 1923 года. Подробности изложены [здесь](#).

- Примерно *на стыке 1925 и 1926 годов* текст «Авиамарша» был максимально близко к оригиналу переведён на немецкий язык. Под названием «Lied der roten Luftflotte» (или под похожим на это названием) он был завезён из СССР в Германию и передан немецким коммунистам. По существовавшей тогда практике, это могло произойти только по каналам Коминтерна. Мелодия «Авиамарша», то есть песня «Lied der roten Luftflotte», стала известна в Германии *в 1926 году*. Тогда же, по свидетельству некоторых источников, газета немецких коммунистов «Die rote Fahne» опубликовала ноты и текст «Авиамарша» в его немецком переводе.
- *В самом конце того же 1926 года или в первой половине 1927 года* на мелодию «Авиамарша» был написан первоначальный текст нацистского марша «Das Berliner Jungarbeiterlied». Это произошло в Берлине в результате обычной в те времена взаимной миграции между немецкими коммунистами и нацистами. В то время как коммунистический марш «Lied der roten Luftflotte» не получил широкого распространения в силу его абсолютно чуждого тогдашним немецким реалиям «советского» текста, нацистский марш, текст которого непосредственно отражал эти

реалии, стал популярен среди берлинских штурмовиков. *На 1926 год*, как на дату появления марша «Das Berliner Jungarbeiterlied», указывают позднейшие нацистские источники. Это не исключено, хотя, повторяю, в том году мелодия «Авиамарша» вполне могла звучать и лишь в качестве коммунистического марша «Lied der roten Luftflotte» – спутать по прошествии лет один и другой тексты было очень легко, ибо пели их на одну и ту же мелодию и в одних и тех же социальных кругах.

- В период времени *от середины мая 1927 года и по конец марта 1928 года* в припеве нацистского марша «Das Berliner Jungarbeiterlied» была изменена вторая строка второго четверостишия: вместо «wir steigen trotz Haß und Hohn» стали петь «wir steigen trotz Haß und Verbot». Наиболее вероятная дата этого изменения – *середина или вторая половина 1927 года*. Именно с этого времени текст нацистского марша становится таким, каким он нам теперь известен. Совсем не исключено, что к этой модификации был как-то причастен Хорст Вессель. Это произошло с ведома и при одобрении руководителя берлинских нацистов Геббельса, который потом использовал изменённую строку в своей брошюре «Kampf um Berlin: der Anfang» – в главе, посвящённой периоду запрета деятельности нацистов в берлинском округе.
- Поскольку *первоначальное* исполнение указанной строки не успело закрепиться в песенной традиции, то нижняя граница датировки нацистского текста не может сильно отличаться от мая 1927 года, когда деятельность нацистской партии в Берлине была запрещена и, собственно говоря, появился сам повод к замене «Hohn» на «Verbot». Поэтому *осень 1926 года или зима 1927 года – наиболее вероятная дата появления нацистского текста*. Таким образом, приоритет «Авиамарша» (*а его, напоминаю, пели ещё летом 1925 года*) установлен документально и более не нуждается в ссылок на личное мнение нацистского музыковеда Байера.
- Одновременно с геббельсовской модификацией строки – «wir steigen trotz Haß und Hohn» – из первоначального текста нацистского марша перекочевала в припев коммунистического марша «Lied der roten Luftflotte». Именно с этой строкой текст марша «Lied der roten Luftflotte» дошёл до наших дней. Совершенно очевидно, что в условиях жёсткой кадровой конкуренции со стороны нацистов, действовавших среди тех же, что и коммунисты, социальных слоёв, использовать совсем уж в неизменном виде тот почти буквальный перевод советского «Авиамарша», который немецкие коммунисты получили из Москвы в качестве пропагандистской помощи, они объективно были не в состоянии. Отсутствие в песенной традиции первоначального варианта свидетельствует в пользу того, что коммунистический марш зазвучал в Германии *не ранее второй половины 1926 года*.
- Другими очевидными заимствованиями из нацистского марша «Das Berliner Jungarbeiterlied», которые в результате постоянной взаимной миграции между отрядами «Союза красных фронтовиков» и отрядами СА проникли в текст немецкого перевода «Авиамарша», являются следующие. Во-первых, явным подражанием исполнению нацистами в припеве своего марша *двух различных* четверостиший стало в коммунистическом марше двукратное повторение *одного и того же* четверостишия – этой особенности в исполнении советского «Авиамарша» нет. Во-вторых, в ряде вариантов текста коммунистического марша видны следы того, как вместо нацистского выкрика «Heil Hitler!» коммунисты пытались выкрикивать иные слова, также отсутствовавшие в переводе «Авиамарша», – «das Lied» или «Hurra!». *В начале 30-х годов*, в результате участвовавших контактов между немецкими и советскими коммунистами (особенно после прихода немецких нацистов к власти), эта модная – на западный манер – особенность прослеживается и у нас, в одном из вариантов исполнения уже собственно «Авиамарша», – в виде выкрика «Защита!».

- Своим созданием и популяризацией нацистский марш «Das Berliner Jungarbeiterlied» («Песня молодых рабочих Берлина») был обязан именно Берлину. И едва ли теперь у нас могут быть сомнения в том, что в 1929 году этот марш широко использовался штурмовиками из берлинского отряда СА номер 5 под руководством Хорста Весселя.
- В периодической печати начала 30-х годов имеются упоминания о том, что советский «Авиамарш» — очевидно, в его переводных вариантах, включая и «Lied der roten Luftflotte» — исполнялся в Западной Европе и, в частности, в Берлине. Как известно, дошедшая до нас аудиозапись марша «Lied der roten Luftflotte» относится к 1930 году.
- Сохранившаяся аудиозапись нацистского марша «Das Berliner Jungarbeiterlied» представляет этот марш в составе «попурри из известных песен СА» в исполнении большого духового оркестра Карла Войчаха. Запись была сделана примерно в мае 1933 года. Этот марш звучит также в художественном фильме «Hans Westmar. Einer von vielen. Ein deutsches Schicksal aus dem Jahre 1929» (первый вариант, с названием «Horst Wessel», был закончен в сентябре 1933 года, окончательный же вариант датируется декабрём). Два года спустя марш был включён и в документальный фильм Лени Рифеншталь «Triumph des Willens».
- И последнее. Советский «Авиамарш» и нацистский марш «Das Berliner Jungarbeiterlied» никогда не были в непосредственном контакте. Нацисты, всюду распевавшие свою боевую песню и маршировавшие под мелодию Юлия Хайта, не имели ни малейшего понятия о том, что где-то в России есть чрезвычайно там популярный «Авиамарш». Советские пионеры, которые в 30-е годы, по свидетельству Л. В. Владимирова, «пели этот марш без конца», даже и не подозревали о существовании где-то в Германии популярной нацистской «Песни молодых рабочих Берлина». Никто из них друг у друга ничего не «лямзил». Посредником во взаимообмене выступала «Lied der roten Luftflotte», и для всех она была как бы «своей». В Советском Союзе эта песня без вопросов была «своей», потому что её всюду «распевали пролетарии Западной Европы». Но и для нацистов, с другой стороны, эта песня тоже была немножечко «своей», потому что те же самые пролетарии зачастую становились для нацистов их новообращёнными «камрадами».

Не знаю, что ещё можно добавить ко всему этому... Общая картина теперь совершенно ясна. Шаг за шагом, продираясь сквозь неточности, неясности, заблуждения и предубеждения, мы вертели в руках те или иные факты и фактики, соединяя их, словно мозаику, в единое целое. Конечно, по мере поступления каких-то новых фактов возможны ещё некоторые уточнения, но ожидать тут чего-то революционного уже, наверное, не приходится.

Должен признаться, что весь этот процесс доставил лично мне большое удовольствие. Следует также заметить, что я сознательно ограничивал себя лишь теми источниками, которые находятся в открытом доступе: большинство исходных материалов каждый легко может найти в Интернете, некоторые сведения можно почерпнуть из общедоступных книг. Огромное значение имела помощь читателей «Солнечного ветра», которым я искренне признателен.

Вот так. Начинали мы с разговора о приоритете, но всё оказалось и гораздо проще, и гораздо сложнее, но уж наверняка — гораздо интересней. Не правда ли?

Валентин Антонов, август 2008 года

Два марша. 1. Кто у кого?

Два марша. 2. Песенный кругооборот

Два марша. 3. Вопреки ненависти и насмешкам

Два марша. 4. Камрады и товарищи

Авиамарш. 1. Легенды и факты

Авиамарш. 2. Год издания 1923-й (начало)

Авиамарш. 2. Год издания 1923-й (окончание)

Вокруг «Авиамарша». 1. «Aus dem Vergessen» – «Из забвения»

Вокруг «Авиамарша». 2. «Фокс-трот на известный мотив»

Вокруг «Авиамарша». 3. «Hispano-Suiza цвета бирюзы»

Вокруг «Авиамарша». 4. Список Оруэлла